

Образ вечный

Замела снеговойная замять
Годы прошлые, были — и нет...
Но хранит стариковская память
Первопутья устойчивый след.

Всё забылось, потускло, погасло
Там, куда я уже не вернусь.
Над одним только время не властно —
Над селцом в стороне подсаянской,

Что мне видится чётко и ясно
До последней избушки и прясла
В простоте деревянной прекрасным
И манящим, как Древняя Русь.

И до каждого словно бы вживе
Дорогого, родного лица —
Землячков из ребячьей дружины,
Кровных братьев, сестёр и отца.

А всех чаще видением прочным
Предстаёт незабвенная мать,
Та простая крестьянка в платочке,
Что Марией Васильевной звать.

Дай мне Бог до конца и не мельком
Видеть это и в сердце носить,
И сойти своим часом в земельку
С этим образом вечной Руси.

Живучая шутка

Шутил Макар, мой дядя,
Когда тошала плоть:
«На мельницу бы надо,
Да нечего молоть».

Когда всё было это?
Давно забыть пора.
Уж ни Макара нету,
Ни конного двора,

Колхозные амбары
Трещали от зерна,
У конюха Макара
В сусеке — тишина.

Ни мельницы на речке,
В кудрявых тальниках,
Ни ребятни на печке
С картохами в руках...

Прожорливых детишек
Учил он то и знай:
«Не жди, ребята, пышек,
На бульбу нажимай».

Но живы шуток дяди
Поныне дух и плоть:
На мельницу бы надо,
Да нечего молоть.

Нет ответа

Не шастаю по заграницам,
С ружьём по тайге не брожу,
Я в нашей районной больнице
Лежу и в окошко гляжу.

Сплошная гармония в вышних
И в дольном одна благодать,
Но, градусник грея под мышкой,
Зачем-то я должен страдать.

Там прыгают птички по клёнам,
Сияет небес бирюза,
И корпус «сердечный» влюблённо
Тарацит на солнце глаза...

Затем, чтоб, страдаючи, мыслить
И выстрадать некий ответ?
Седины мне на уши свисли,
Однако ответа всё нет.

Сон

Мы не знаем ни часа, ни дня...
Но однажды во сне я увидел,
Что во гроб положили меня...
Тесновато, но я не в обиде.

Я и в жизни раздолья не знал,
По одежке протягивал ножки.
Не бывала к нам щедрой казна,
За труды отпуская по крошке.

Всё — в душе, ничего — за душой.
Жаль, не слышу ни стона, ни плача.

Впрочем, что там... Побыл да ушел,
Отработала старая кляча.

Слава Богу, без фальши и лжи,
Без елейных гримас и турусов.
В честной бедности больше, кажись,
Чем порой представляется, плюсов.

Положил я ладони на грудь.
И покуда доской гробовою
Не накрыли, всяк может взглянуть —
Ничего не беру я с собою.

Молчание

Молчанье звёзд, молчание пространств
И самого Создателя молчанье
Подчас приводит ежели не в транс,
То в состоянье, близкое к отчаянью.

Летят за веком век, как день за днём,
Но некому, похоже, нам ответить,
Кто мы, откуда мы, куда идём
И вообще зачем на этом свете.

Ответа нет на корневой вопрос,
И остаётся только верить в чуда,
Которыми пронизаны насквозь
Все библии, кораны и талмуды.

Да он и вправду сказочный, наш мир,
Как райский сад или как «Песнь песней».
Взгляни вокруг — что может быть чудесней!
И нас Господь позвал на этот пир.

Жаль, гостеванье на пиру не длинно,
А там — возврат домой, в родную... глину.

Тщеславие

Бывал тщеславен, Господи, прости.
Зачем оно, признание людское,
Волнует нас на жизненном пути,
На приводящем к вечному покою?

К исчезновенью и к небытию,
К тому ничто, которое ничтожит...
И неужели я строку свою
Мечтал вписать в анналы мира тоже?

Какое самомнение, если так,
Какое роковое заблуждение!
Да и какой я, значит, был простак
(Чтоб не сказать прямее) от рожденья.

Иду...

Иду к концу. Молюсь и каюсь,
Как все ветшающие мы.
По-прежнему не зарекаюсь
Ни от тюрьмы, ни от сумы.

Иду, забыв пути начало,
Не зная, где прерву следы,
Несу тревоги и печали,
Таю предчувствие беды.

Достигший ранга старожила,
И сир и нищ, и сух и сив,
Иду, натуживаю жилы,
Стараюсь из последних сил.

Иду смиренным смертным смердом,
Иду, грехами тяготим,
Иду к Тебе, о Милосердый,
За всепрощением Твоим.